

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА КРИСТИ

1938

СВИДАНИЕ
СО СМЕРТЬЮ

♦ Agatha Christie ♦

Эркюль Пуаро

Агата Кристи

Свидание со смертью

«ЭКСМО»

1938

Кристи А.

Свидание со смертью / А. Кристи — «Эксмо», 1938 — (Эркюль Пуаро)

ISBN 978-5-699-81367-4

Путешествуя по Востоку, Эркюль Пуаро остановился в Иерусалиме. Однажды вечером, стоя у открытого окна своего гостиничного номера, он вдруг услышал фразу, произнесенную где-то в стороне: «Ты ведь понимаешь, что ее нужно убить, правда?» Поначалу сыщик не придавал значения этим словам. Но совсем скоро ему пришлось вспомнить их, когда скоропостижно скончалась его соседка по гостинице, богатая пожилая американка, путешествовавшая в кругу своей семьи – дочери, сына, невестки и внуков. Пуаро узнает, что при жизни покойница, в прошлом тюремная надзирательница, была сущим семейным тираном. Великий детектив теряется в догадках относительно того, кто убил старуху. Да и убийство ли это... Ведь не осталось совсем никаких следов. А между тем на решение загадки у Пуаро остались всего лишь сутки...

ISBN 978-5-699-81367-4

© Кристи А., 1938

© Эксмо, 1938

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Агата Кристи

Свидание со смертью

Agatha Christie
Appointment with Death

Copyright © 1938 Agatha Christie Limited.
All rights reserved

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks
of Agatha Christie
Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Гольдберг Ю. Я., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Ричарду и Майре Мэллок в память об их путешествии в Петру

Часть I

Глава 1

I

«Ты ведь понимаешь, что ее нужно убить, правда?»

Вопрос словно материализовался в неподвижном ночном воздухе, повис на мгновение, а затем уплыл в темноту в сторону Мертвого моря.

Эркюль Пуаро замер на минуту, не убирая ладони с оконного шпингалета. Потом нахмурился и решительно запер окно, чтобы исключить попадание в комнату вредоносного ночного воздуха. Эркюля Пуаро воспитывали в убеждении, что весь наружный воздух лучше оставлять снаружи, а ночной воздух особенно опасен для здоровья.

Аккуратно задернув шторы на окне и подходя к кровати, он снисходительно улыбнулся самому себе.

«Ты ведь понимаешь, что ее следует убить, правда?»

Эти слова, подслушанные в его первый вечер в Иерусалиме, не могли не заинтересовать частного детектива Эркюля Пуаро.

– Решительно, куда бы я ни отправился, что-нибудь обязательно напомнит мне о преступлении! – пробормотал он себе под нос.

Продолжая улыбаться, Пуаро вспомнил однажды услышанную историю о писателе Энтони Троллопе. Пересекая Атлантический океан, тот случайно подслушал разговор двух пассажиров, обсуждавших последнюю опубликованную часть его романа.

«Очень хорошо, – заявил один из них. – Но он должен убить эту нудную старуху».

Широко улыбнувшись, писатель обратился к попутчикам:

«Джентльмены, я вам чрезвычайно признателен. Пойду и немедленно убью ее!»

Эркюль Пуаро задумался, что могут означать слова, которые он только что случайно услышал. Возможно, разговор соавторов пьесы или романа...

Все еще улыбаясь, он подумал: «Когда-нибудь эти слова могут вспомниться и приобрести более зловещий смысл».

Теперь Пуаро припоминал, что в голосе, который их произнес, чувствовалось нервное напряжение – дрожь, свидетельствовавшая о сильных эмоциях. Это был голос мужчины – или мальчика...

Выключая ночник у кровати, Эркюль Пуаро подумал: *«Я бы узнал этот голос...»*

II

Поставив локти на подоконник и склонив друг к другу головы, Реймонд и Кэрл Бойнтон всматривались в непроглядную черноту ночи.

– Ты ведь понимаешь, что ее нужно убить, правда? – нервно повторил свои последние слова Реймонд.

Кэрл Бойнтон слегка поежилась.

– Ужасно... – Голос у нее был низкий и хриплый.

– Не ужаснее, чем *это*!

– Наверное...

– Так больше нельзя... Нельзя... Мы *должны* что-то делать. А больше ничего мы сделать не *можем*...

– Если бы могли как-нибудь уехать... – Кэрол понимала, что это прозвучало неуверенно.

– Мы не можем. – В его голосе проступили пустота и безнадежность. – Ты ведь знаешь, Кэрол, что мы не можем.

Девушка вздрогнула.

– Я знаю, Рей... Знаю.

Его горький смешок прозвучал неожиданно.

– Люди скажут, что мы сошли с ума – не способны даже уйти...

– Наверное, мы действительно сошли с ума, – медленно произнесла Кэрол.

– Пожалуй. Да, наверное. В любом случае, скоро сойдем... Боюсь, некоторые скажут, что мы уже безумны – хладнокровно планируем убийство собственной матери!

– Она нам не мать! – резко возразила Кэрол.

– Да, конечно.

Они немного помолчали, а затем Реймонд спросил почти небрежным тоном:

– Ты согласна, Кэрол?

– Думаю, она должна умереть... – ровным голосом ответила девушка. – Да... – И вдруг выпалила: – Она сумасшедшая. Она... она не могла бы нас так мучить, если бы была в своем уме. Годами мы повторяли: «*Это больше не может так продолжаться!*», а оно *продолжалось*. Мы говорили: «*Когда-нибудь она умрет*», – но она не умирала! И, наверное, не умрет, если...

– Если мы не убьем ее... – спокойно закончил Реймонд.

– Да.

Пальцы Кэрол стиснули подоконник.

Ее брат говорил бесстрастным, деловым тоном, и лишь легкая дрожь в голосе выдавала его глубоко спрятанное возбуждение.

– Ты же понимаешь, почему это должен быть один из нас, правда? Но Леннокс здесь, и поэтому приходится принимать в расчет и Надин. И мы не можем впутывать в это Джинни.

Кэрол поежилась.

– Бедная Джинни... Мне так страшно...

– Знаю. Дела совсем плохи, да? Вот почему нужно действовать быстро – пока она не сорвалась.

Кэрол вдруг выпрямилась и отбросила со лба спутанные каштановые волосы.

– Рей, а ты не думаешь, что так нельзя?

Он ответил тем же внешне бесстрастным тоном:

– Нет. Я думаю, это все равно что убить бешеную собаку – уничтожить то, что приносит всем вред, и поэтому это нужно остановить. Это единственный способ.

– Но нас... нас все равно отправят на электрический стул... – пробормотала Кэрол. – Я хочу сказать, что мы не сможем объяснить, какая она... Это прозвучало бы неправдоподобно... Ты сам знаешь, что в каком-то смысле все это происходит только в наших *головах*!

– Никто ничего не узнает. У меня есть план. Я все продумал. Мы будем в безопасности.

Кэрол внезапно повернулась к нему:

– Рей, ты изменился – стал другим. С тобой что-то *случилось*... Откуда у тебя в голове все это?

– Почему ты думаешь, что со мной что-то случилось? – Он отвернулся, вглядываясь в темноту ночи.

– Потому что вижу... Все дело в той девушке в поезде, Рей?

– Нет, конечно нет. Почему ты так решила? О, Кэрол, не говори глупостей. Давай вернемся к... ну...

– К твоему плану? Ты уверен, что это хороший план?

– Да. Я так думаю... Конечно, мы должны подождать удобного случая. А затем, если все пройдет хорошо... мы будем свободны... все мы.

– Свободны? – Кэрол едва слышно вздохнула и посмотрела на звезды. Потом вдруг окинула взглядом брата с головы до ног и расплакалась.

– Кэрол, что с тобой?

– Тут так красиво... – Она всхлипнула. – Ночь, темнота, звезды. Если бы мы могли слиться со всем этим... Если бы могли стать такими, как другие люди, а не такими, как теперь, – исковерканными, *неправильными*...

– Но с нами все будет хорошо – когда она умрет!

– Ты *уверен*? Может, уже слишком поздно? И мы всегда будем странными, не такими, как все?

– Нет, нет, нет.

– Сомневаюсь...

– Кэрол, перестань...

Она отбросила обнявшую ее руку.

– Нет, я с тобой. Можешь не сомневаться – я с тобой. Из-за остальных, особенно Джинни. Мы должны спасти Джинни!

Реймонд помолчал.

– Значит, приступаем?

– Да!

– Хорошо. Тогда я расскажу тебе свой план...

Их головы снова сблизились.

Глава 2

Мисс Сара Кинг, бакалавр медицины, стояла у стола в салоне отеля «Соломон» в Иерусалиме и рассеянно листала газеты и журналы. Она хмурила брови и выглядела озабоченной.

Высокий француз средних лет, который вошел в салон из холла, на секунду задержал на ней взгляд, а потом подошел к противоположному краю стола. Когда их взгляды встретились, Сара слегка улыбнулась, дав понять, что узнала его. Она вспомнила, что этот человек помог ей во время поездки из Каира – нес один из ее чемоданов, поскольку носильщика рядом не оказалось.

– Вам нравится Иерусалим, да? – спросил доктор Жерар после того, как они обменялись приветствиями.

– В некоторых отношениях он просто ужасен, – ответила Сара и прибавила: – Религия – очень странная штука!

Ее слова, похоже, позабавили француза.

– Я знаю, что вы имеете в виду. – Его английский был практически безупречен. – Все возможные секты ссорятся и грызутся друг с другом.

– А какие ужасные здания они построили! – воскликнула Сара.

– Действительно.

Сара вздохнула.

– Сегодня меня не пустили в храм, потому что на мне было платье без рукавов, – печально произнесла она. – Наверное, Господу не нравятся мои руки, хотя он их сам создал.

Доктор Жерар рассмеялся:

– Я собирался выпить кофе. Не хотите составить мне компанию, мисс?..

– Моя фамилия Кинг. Сара Кинг.

– А я... вы позволите? – Он быстрым движением протянул визитную карточку. Сара взяла ее, и ее глаза широко раскрылись от изумления.

– Доктор Теодор Жерар? О! Я так рада с вами познакомиться. Я читала все ваши работы – разумеется. Ваши взгляды на шизофрению ужасно интересны.

– *Разумеется?* – Брови Жерара вопросительно поползли вверх.

– Видите ли, – немного смущенно объяснила Сара, – я в некотором роде тоже врач. Только что получила степень бакалавра.

– Ага! Понятно.

Доктор Жерар заказал кофе, и они сели в углу салона. Достижения Сары в медицине интересовали француза гораздо меньше, чем локоны спадавших на лоб черных волос и красиво очерченные алые губы. И еще его забавляло нескрываемое благоговение, с которым смотрела на него девушка.

– Вы здесь надолго? – непринужденно спросил он.

– Всего на несколько дней. Потом собираюсь в Петру.

– А! Я тоже подумывал туда отправиться, если это не займет много времени. Видите ли, четырнадцатого мне нужно вернуться в Париж.

– Думаю, поездка займет около недели. Два дня в пути, два дня там и еще два дня обратно.

– Завтра утром пойду в бюро путешествий и узнаю, как это можно устроить.

В салон вошли несколько человек и расселись в креслах. Сара с интересом наблюдала за ними. Потом сказала, понизив голос:

– Эти люди, которые только что вошли, вы не заметили их в поезде вчера вечером? Они уехали из Каира одновременно с нами.

Жерар вставил в глаз монокль и посмотрел в противоположный угол салона.

– Американцы?

Сара кивнула.

– Да. Семья американцев. Но... довольно необычная, как мне кажется.

– Необычная? Чем именно?

– Ну, посмотрите на них внимательно. Особенно на старуху.

Доктор Жерар так и сделал, быстро скользнув профессиональным взглядом по лицам.

Первым делом он обратил внимание на высокого и несколько вялого мужчину лет тридцати. Лицо у него было приятным, но безвольным, а движения казались странно замедленными. Рядом с ним двое красивых молодых людей – голова у парня была почти как у греческой статуи. «С ним тоже что-то не так, – подумал доктор Жерар. – Да, он явно пребывает в состоянии нервного напряжения». Девушка, по всей видимости, приходилась ему сестрой, настолько велико было сходство, и она тоже выглядела возбужденной. У другой девушки, еще моложе, с золотисто-рыжими волосами, похожими на нимб, руки тоже выдавали волнение; сложенные на коленях, они беспрестанно теребили носовой платок. Еще одна женщина – молодая, спокойная, темноволосая с белой кожей и безмятежным лицом, как у Мадонны на картине Луини¹. А в центре группы... «Боже! – с типично французской искренностью с отвращением подумал доктор Жерар. – Какая ужасная женщина!» Старая, распухшая, неподвижная – словно уродливый Будда, – она сидела среди них, как паук в центре своей паутины.

– *La tatan*² не назовешь красавицей, правда? – сказал он, обращаясь к Саре, и пожал плечами.

– В ней есть что-то... что-то зловещее, вам не кажется? – спросила Сара.

Доктор Жерар снова внимательно посмотрел на старуху – на этот раз взглядом профессионала, а не эстета.

– Водянка, сердце, – поставил он медицинский диагноз.

– Да, *конечно*, – отмахнулась Сара. – Но дело в другом. Вы не замечаете, что они как-то странно с ней держатся?

– Вы знаете, кто они?

– Фамилия Бойнтон. Мать, женатый сын, его жена, младший сын и две младшие дочери.

– *La famille Boynton*³ путешествует по миру, – пробормотал доктор Жерар.

– Да, но есть что-то странное в том, *как* они это делают. Не общаются с посторонними... И ни один из них ничего не делает без разрешения старухи!

– Сторонница матриархата, – задумчиво произнес Жерар.

– А я думаю, она настоящий тиран, – заключила Сара.

Доктор пожал плечами и заметил, что американская женщина правит миром – это общеизвестно.

– Да, но в данном случае этим дело не ограничивается, – настаивала Сара. – Она... они все у нее под каблуком. Старуха их запугала... прямо до неприличия!

– Не следует давать женщинам слишком много власти, – с неожиданной серьезностью согласился Жерар и покачал головой.

– Женщины склонны ею злоупотреблять.

Доктор покосился на Сару. Она разглядывала семейство Бойнтонов – или, скорее, одного конкретного его представителя. Жерар улыбнулся типично галльской понимающей улыбкой. Ага! Значит, дело в этом?

– Но вы же разговаривали с ними, да? – пустил он пробный шар.

– Разговаривала, по крайней мере, с одним из них.

¹ Бернардино Луини (1480/1485–1532) – итальянский художник, один из самых известных учеников Леонардо да Винчи.

² Мамаша (*фр.*).

³ Семья Бойнтон (*фр.*).

– С молодым человеком – младшим сыном?

– Да. В поезде из Кантары сюда. Он стоял в коридоре. Я с ним побеседовала.

– Что побудило вас заговорить с ним? – спросил Жерар.

– А что в этом такого? Я часто вступаю в разговоры, когда путешествую. Мне интересны люди – их поступки, мысли и чувства.

– То есть вы изучаете их под микроскопом.

– Наверное, можно и так выразиться, – согласилась девушка.

– И каковы ваши впечатления в данном случае?

– Ну... – Она колебалась. – Это было довольно странно... Начать с того, что парень покраснел до корней волос.

– Это так необычно? – сухо поинтересовался Жерар.

Сара рассмеялась:

– Вы намекаете, что он принял меня за бесстыжую потаскушку, которая с ним заигрывает? Нет, не думаю. Мужчины таких всегда узнают, правда?

Она вопросительно посмотрела ему прямо в глаза. Доктор Жерар кивнул.

– У меня сложилось впечатление, – медленно произнесла Сара, слегка хмурясь, – что он был... как бы это сказать? – одновременно взволнован и испуган. Взволнован сверх всякой меры – и в то же время до нелепости смущен. Странно, правда? Потому что американцы всегда казались мне самоуверенными. Американский юноша – скажем, двадцати лет – знает о жизни значительно больше, чем его английский сверстник, и он гораздо находчивее. А этому парню уже больше двадцати.

– Я бы сказал, года двадцать три или двадцать четыре.

– Так много?

– Мне так кажется.

– Да... Наверное, вы правы. Только он почему-то выглядит очень юным...

– Социальная дезадаптация. Фактор «ребенка».

– Значит, я права? То есть – в нем *действительно* есть что-то ненормальное?

Доктор Жерар снова пожал плечами и улыбнулся в ответ на ее серьезный тон.

– Моя милая юная леди, а кто из нас совершенно нормален? Но я почти гарантирую вам, что в данном случае мы имеем дело с каким-то неврозом.

– Связанным с этой ужасной старухой, я уверена.

– Похоже, вы ее сильно невзлюбили. – Жерар с любопытством посмотрел на девушку.

– Да. У нее... такой злобный взгляд!

– Как и у многих матерей, когда их сыновья увлекаются очаровательными молодыми леди, – пробормотал Жерар.

Сара раздраженно дернула плечом. «Французы все одинаковы, – подумала она, – один секс на уме!» Хотя, конечно, как беспристрастный психолог, она не могла не признать, что в основе большинства психических феноменов лежит секс. Мысли Сары приняли привычное профессиональное направление...

Через какое-то время она, вздрогнув, очнулась от своих мыслей. К столу в центре салона шел Реймонд Бойнтон. Он взял один из журналов. Когда молодой человек на обратном пути проходил мимо кресла Сары, она подняла на него взгляд и заговорила с ним:

– Вы сегодня осматривали достопримечательности?

Сара сказала первое, что пришло ей в голову, – просто хотела посмотреть на его реакцию. Реймонд притормозил, покраснел, шарахнулся в сторону, словно испуганная лошадь, и его неуверенный взгляд переместился в центр семейного круга.

– О... да... – пробормотал он. – Да, конечно. Я...

Затем внезапно, словно получив тычок шпорой, поспешил к семье, крепко сжимая в руке журнал.

Гротескная, похожая на Будду фигура протянула руку за журналом, но ее взгляд, как отметил Жерар, не отрывался от лица юноши. Старуха что-то буркнула, вероятно, благодарность. Положение ее головы чуть-чуть изменилось. Доктор видел, что теперь она пристально смотрит на Сару. Лицо старухи абсолютно ничего не выражало. Не было никакой возможности догадаться, о чем она думает.

Сара взглянула на часы и ойкнула.

– Я и не думала, что уже так поздно. – Она встала. – Большое спасибо за кофе, доктор Жерар. Мне нужно написать несколько писем.

Тот встал, пожал протянутую руку девушки и произнес:

– Надеюсь, мы еще увидимся.

– Да, конечно! Может, вы все же поедете в Петру?

– Непременно попробую.

Сара улынулась ему и повернулась. Путь к выходу лежал мимо семьи Бойнтон.

Доктор Жерар наблюдал, как взгляд миссис Бойнтон переместился на лицо сына, и их взгляды встретились. Когда Сара проходила мимо, Реймонд слегка повернул голову – но не к ней, а от нее... Это было медленное, словно против воли, движение, как будто старая миссис Бойнтон потянула за невидимую ниточку.

Сара Кинг заметила, что ее избегают, но была слишком молода и слишком чувствительна, чтобы не обидеться. Они так мило поболтали в раскачивающемся коридоре спального вагона, обменялись впечатлениями о Египте, посмеялась над забавными словечками маленьких погонщиков ослов и уличных торговцев... Сара рассказала, как погонщик верблюдов немного нахально и с надеждой спросил ее: «Вы английская леди или американская?», и как она с удовольствием наблюдала за его растерянностью, когда в ответ он услышал: «Нет, китайская». «Парень похож, – подумала Сара, – на милого и восторженного школьника – возможно, в его восторженности было даже что-то жалкое. А теперь, без всякой причины, он стал робким и невежливым – даже грубым».

– Больше не буду иметь с ним никаких дел, – возмущенно пробормотала Сара.

Не будучи чрезмерно тщеславной, женщина знала себе цену. Она понимала, что выглядит очень привлекательной в глазах противоположного пола, и не была склонна прощать подобного пренебрежительного отношения.

Вероятно, она вела себя с этим юношей чуть более дружелюбно, чем следовало бы, поскольку по какой-то непонятной причине ей стало его жаль.

Но теперь совершенно очевидно, что он просто неотесанный, самодовольный, неучтивый американский мальчишка!

Никаких писем, о которых она говорила, Сара писать не стала, а села перед туалетным столиком, откинула волосы со лба, посмотрела в зеркало и, наткнувшись на взгляд пары встревоженных карих глаз, задумалась о своей жизни.

Сара только что пережила серьезный эмоциональный кризис. Месяц назад она разорвала помолвку с молодым врачом, четырьмя годами старше ее. Их сильно тянуло друг к другу, но уж слишком велика была разница в темпераментах. Споры и ссоры были у них обычным делом. Независимый характер Сары не позволял ей безропотно терпеть, когда ею командуют. Подобно многим пылким женщинам, она верила, что восхищается силой. Сара всегда внушала себе, что хочет подчиняться. Но когда она встретила мужчину, способного ее подчинить, ей это совсем не понравилось! Разрыв помолвки заставил Сару сильно страдать, но теперь она ясно понимала, что одного лишь взаимного влечения недостаточно, чтобы построить счастье на всю жизнь. Она специально побаловала себя интересным заграничным путешествием, чтобы обо всем забыть, прежде чем серьезно заняться работой.

Мысли Сары вернулись из прошлого в настоящее.

«Интересно, – подумала она, – позволит ли мне доктор Жерар обсудить с ним его работу. У него столько замечательных открытий. Хорошо бы он отнесся ко мне серьезно... Возможно... Если он поедет в Петру...»

Сара снова подумала о странном, неучтивом молодом американце. Она не сомневалась, что его поведение объясняется присутствием семьи, но все равно сердилась на него. Быть в полном подчинении у матери... это и вправду глупо... особенно для *мужчины!*

И все же...

Ею овладело странное чувство. Совершенно очевидно, здесь что-то *не так*.

– Этого парня нужно спасти! И я этим займусь! – внезапно выпалила она вслух.

Глава 3

После того как Сара покинула салон, доктор Жерар несколько минут оставался на месте, затем подошел к столу, взял последний журнал «Ле Матен» и направился к креслу в нескольких ярдах от семейства Бойнтон. Его разбирало любопытство.

Сначала его позабавил интерес английской девушки к этой семье американцев, и он без труда догадался, что ее привлекает один конкретный член семьи. Но теперь нечто необычное в этих людях пробудило в нем более глубокое, беспристрастное любопытство ученого. Он чувствовал, что тут явно есть работа для психолога.

Очень осторожно, прикрываясь газетой, доктор оценивал их. Первым делом молодой человек, к которому девушка-англичанка проявила такой очевидный интерес. «Да, – подумал Жерар, – подобный тип людей должен подходить ей по характеру». В Саре Кинг чувствовалась сила – у нее крепкие нервы, быстрый ум и сильная воля. Молодой человек показался доктору Жерару чувствительным, впечатлительным, застенчивым и легко поддающимся внушению. Глаз врача отметил тот очевидный факт, что юноша пребывал в состоянии сильного нервного напряжения. «Любопытно было бы узнать причину, – подумал доктор Жерар. – Почему молодой человек, явно здоровый физически, предположительно наслаждающийся заграничной поездкой, находится на грани неминуемого нервного срыва?»

Врач переключил внимание на других членов семьи. Девушка с каштановыми волосами – явно сестра Реймонда. Они относились к одному физическому типу – тонкая кость, хорошая фигура, аристократическая внешность. У них одинаковые тонкие и изящные кисти рук, одинаковая линия подбородка, одинаковая посадка головы на длинной тонкой шее. И девушка тоже взволнована... Об этом свидетельствуют непроизвольные нервные движения рук и глубокие тени под слишком ярко блестящими глазами. А голос, когда она заговорила, звучал слишком торопливо и с легким придыханием. Она была настороже – контролировала себя – и не могла расслабиться.

«Девушка тоже чем-то напугана, – решил доктор Жерар. – Да, она боится!»

До него доносились обрывки разговора. Обыкновенный, нормальный разговор. «Может, сходим в конюшни Соломона?... А для мамы это не слишком тяжело?... Утром к Стене Плача? И, конечно, Храм – или мечеть Омара, как ее называют... интересно, почему?... Разумеется, потому что его превратили в мусульманскую мечеть, Леннокс».

Ничем не примечательная болтовня туристов. И все же – доктор Жерар был готов поклясться – обрывки разговора производили впечатление нереальности. Как будто они – всего лишь маска, под которой ворочается нечто слишком глубокое, чтобы его можно было выразить словами... Он снова бросил взгляд на семью из-под прикрытия «Ле Матен».

Леннокс? Это старший брат. В нем можно обнаружить те же фамильные черты, но имелись и отличия. Леннокс не был таким взвинченным; Жерар решил, что для этого у него неподходящая нервная конституция. Однако в нем тоже было что-то странное. Никаких признаков напряженности мышц – в отличие от парня с девушкой. Он сидел расслабленно, словно обмякший. Озадаченный, Жерар вдруг вспомнил своих пациентов, точно так же сидевших в больничных палатах.

«Он истощен – да, истощен страданием. Это выражение глаз... такое можно увидеть у раненой собаки или больной лошади... тупая животная покорность. Очень странно... В физическом плане с ним, похоже, все в порядке. И все же нет никаких сомнений, что недавно он сильно страдал... это были душевные страдания... а теперь он больше не страдает... безропотно терпит... ждет, пока обрушится удар. Но какой удар? Или я все это придумываю? Нет, этот человек явно чего-то ждет. Так больные раком пациенты лежат и ждут, благодарные тем, кто хоть немного облегчает им боль...»

Леннокс Бойнтон встал и поднял клубок шерсти, который уронила старая дама.

– Вот, мама.

– Спасибо.

Что могла вязать эта монументальная, бесстрастная женщина? Что-нибудь толстое и грубое. «Рукавицы для обитателей рабочего дома!» – подумал Жерар и улыбнулся собственной фантазии.

Затем внимание его переключилось на самую младшую в семье – девушку с золотисто-рыжими волосами. Ей, наверное, лет девятнадцать. Необыкновенно белая кожа, которая часто бывает у рыжих. Несмотря на сильную худобу, девушка была очень красива. Она сидела и улыбалась каким-то своим мыслям – в пространство. Причем ее мысли были далеко от отеля «Соломон», от Иерусалима... Глядя на нее, доктор Жерар кое-что вспомнил... Это было словно озарение. Странная неземная улыбка, в которой изогнуты губы мраморных дев афинского Акрополя, – отрешенная, милая и немного безжалостная. Магия этой улыбки и абсолютная неподвижность девушки заставили доктора вздрогнуть.

И тут Жерар заметил ее руки – это стало для него шоком. Руки были спрятаны от остальных членов семьи под столом, но доктор со своего места хорошо видел их. Они лежали на коленях девушки и теребили... нет... рвали на крошечные полоски тонкий носовой платок.

Жуткое зрелище. Равнодушная, отчужденная улыбка... неподвижное тело... и беспокойные, разрушающие руки.

Глава 4

Раздался медленный кашель, астматический, с присвистом, и монументальная женщина со спицами заговорила:

– Ты устала, Джиневра. Тебе пора спать.

Девушка вздрогнула, ее пальцы замерли.

– Я не устала, мама.

Жерар оценил музыкальность ее голоса. Приятный мелодичный голос придавал очарование самым обычным словам, слетавшим с ее уст.

– Нет, устала. Мне лучше знать. Сомневаюсь, что завтра ты сможешь поехать на экскурсию.

– Нет, я поеду. Со мной все в порядке.

– Нет, не в порядке, – сказала мать грубым, почти хриплым голосом. – Ты заболеваешь.

– Нет! Нет!

Девушка задрожала всем телом.

– Я тебя провожу, Джинни, – произнес тихий, мягкий голос.

Спокойная молодая женщина с широко расставленными, внимательными серыми глазами и тщательно завитыми черными волосами встала со своего места.

– Нет, пусть идет одна, – возразила старая миссис Бойнтон.

– Я хочу, чтобы Надин пошла со мной! – крикнула девушка.

– Тогда я, конечно, пойду, – молодая женщина шагнула вперед.

– Ребенок предпочитает пойти один, не так ли, Джинни? – не сдавалась старуха.

Повисла пауза – на секунду, а затем Джиневра произнесла неожиданно бесстрастным и глухим голосом:

– Да. Я лучше пойду одна. Спасибо, Надин.

Она удалилась – высокая угловатая фигура, двигавшаяся с неожиданной грацией.

Доктор Жерар опустил газету и стал открыто разглядывать старую миссис Бойнтон. Она смотрела вслед дочери, и ее лицо сморщилось в странной гримасе, похожей на карикатуру той милой неземной улыбки, которая недавно преобразила лицо девушки.

Старуха перевела взгляд на Надин. Женщина вернулась на свое место. Подняв голову, она встретила взглядом со свекровью. Лицо ее оставалось абсолютно непроницаемым. Во взгляде старухи плескалась злоба.

«Какая-то бессмысленная тирания!» – подумал Жерар.

А затем взгляд старухи вдруг уперся прямо в него, и у доктора перехватило дыхание. Маленькие глаза, черные и горящие, но из них исходила сила, властность и... настоящая волна злобы. Доктор Жерар знал, что такое сильная личность. И сразу понял, что перед ним не избалованный тиран-инвалид, потворствующий своим мелким капризам. Эта старуха была воплощением силы. Ее злобный взгляд завораживал, словно взгляд кобры. Да, миссис Бойнтон стара, немощна, терзаема болезнями, но уж никак не беспомощна. Эта женщина знала, что такое власть, всю жизнь пользовалась ею и никогда не сомневалась в собственной силе. Однажды доктор Жерар видел женщину, которая исполняла очень опасный и эффектный трюк с тиграми. Громадные изящные звери занимали свои места и выполняли унизительные трюки. Их глаза и глухое рычание говорили о ненависти, жестокой и фанатичной, но тигры повиновались. Та женщина была молодой, надменной смуглой красавицей, но взгляд у нее был точно таким же.

– *Une dompteuse*⁴, – пробормотал доктор Жерар.

⁴ Укротительница (фр.).

Теперь он понимал, *что* скрывал безобидный семейный разговор. Ненависть – бурлящий поток черной ненависти.

«Большинство людей сочли бы все это моими нелепыми фантазиями, – подумал он. – Обыкновенная дружная семья американцев, отдыхающая в Палестине, – а я плету вокруг нее кружева черной магии!

Затем доктор Жерар с интересом посмотрел на спокойную молодую женщину по имени Надин. На левой руке у нее было обручальное кольцо, и пока доктор разглядывал ее, она бросила взгляд на вялого светловолосого Леннокса. Этот взгляд выдал ее. Доктор все понял...

Они муж и жена, эти двое. Но взгляд Надин был скорее материнским, чем супружеским, – взгляд настоящей матери, оберегающий, встревоженный. И Жерар понял еще кое-что. Надин Бойнтон единственная из всех была неподвластна чарам свекрови. Возможно, она не любила старуху, но не боялась ее. Власть главы семьи на нее не распространялась.

Она была несчастна, очень переживала за мужа – но свободна.

«Все это чрезвычайно интересно», – заключил доктор Жерар.

Глава 5

Вторжение обыденного в эти мрачные фантазии произвело на доктора почти комический эффект.

В салон вошел мужчина, заметил Бойнтонов и направился к ним. Это был приятный американец средних лет, с ничем не примечательной внешностью. Аккуратная одежда, удлиненное гладко выбритое лицо и размеренный, приятный, хотя и несколько монотонный голос.

– Я везде вас искал, – сказал мужчина.

Он педантично поздоровался за руку со всеми членами семьи.

– Как вы себя чувствуете, миссис Бойнтон? Не слишком утомлены путешествием?

– Нет, благодарю вас, – почти любезно просипела старая дама. – Как вам известно, мое здоровье всегда оставляло желать лучшего...

– Да конечно, это очень печально... очень печально.

– Но хуже мне определенно не стало, – сказала миссис Бойнтон и прибавила с медленной змеиной улыбкой: – Надин здесь хорошо заботится обо мне, правда, Надин?

– Стараюсь. – Голос молодой женщины был все таким же бесстрастным.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – с жаром заверил ее незнакомец. – Ну, Леннокс, что вы скажете о Городе Давида?

– Не знаю, – вяло, без всякого интереса ответил Леннокс.

– Он вас немного разочаровал, да? Признаюсь, сначала у меня сложилось такое же впечатление. Но возможно, вы просто мало видели?

– Мы не могли много ходить из-за мамы, – подала голос Кэрл.

– Два часа экскурсий в день – это все, что я могу выдержать, – пояснила старая дама.

– Думаю, вы просто чудесно со всем этим справляетесь, миссис Бойнтон! – с воодушевлением воскликнул незнакомец.

Та издала хриплый, почти злорадный смешок.

– Я не позволю, чтобы тело командовало мною! Главное – разум! Да, именно *разум*...

Она умолкла. Жерар увидел, как Реймонд Бойнтон нервно дернулся.

– Вы уже побывали у Стены Плача, мистер Коуп? – спросила старуха.

– О, да, это место я посетил одним из первых. Надеюсь, что еще за пару дней закончу с Иерусалимом, а потом воспользуюсь маршрутом из путеводителя Кука, чтобы тщательно осмотреть Святую Землю – Вифлеем, Назарет, Тиверия, Галилейское море. Все это должно быть очень интересно. А еще есть Джараш с прелюбопытнейшими руинами – римскими, как вам известно. И мне бы очень хотелось взглянуть на розовый город Пётра, удивительный природный феномен. Я в этом не сомневаюсь. Но Петра находится в стороне от проторенных троп, и чтобы доехать туда, внимательно все осмотреть и вернуться обратно, потребуется почти неделя.

– Мне тоже туда хочется, – сказала Кэрл. – Звучит так заманчиво...

– Я бы сказал, что на это стоит посмотреть – да, определенно, стоит. – Мистер Коуп умолк, с сомнением посмотрел на миссис Бойнтон и продолжил тоном, который подслушивавшему французу показался несколько неуверенным: – Может быть, мне удастся убедить кого-то из вас поехать со мной? Конечно, я понимаю, что вам, миссис Бойнтон, это не под силу, и, естественно, кто-то из вашей семьи захочет остаться с вами, но если вы решитесь, так сказать, разделиться...

Он умолк. Жерар слышал равномерное звяканье вязальных спиц миссис Бойнтон. Затем раздался ее голос:

– Не думаю, что нам захочется разделиться. Мы очень дружная семья. – Она подняла голову. – Ну, дети, что скажете?

В ее голосе звенел металл. Ответы не заставили себя ждать: «Нет, мама», «Нет, нет», «Конечно, нет».

Миссис Бойнтон улыбнулась своей очень странной улыбкой.

– Вот видите – они меня не бросят. А как насчет тебя, Надин? Ты ничего не сказала.

– Нет, спасибо, мама, разве что Леннокс захочет.

Старуха медленно повернула голову к сыну:

– Ну, Леннокс, как насчет того, чтобы вы с Надин поехали? Похоже, она не прочь.

Вздвигнув, он поднял голову.

– Я... ну... нет, я... я думаю, что всем лучше держаться вместе.

– Вот уж поистине дружная семья! – с воодушевлением воскликнул мистер Коуп. Но в его энтузиазме было что-то неискреннее и вынужденное.

– Мы предпочитаем общество друг друга, – сказала миссис Бойнтон и принялась сматывать клубок шерсти. – Кстати, Реймонд, кто та молодая женщина, которая только что с тобой заговорила?

Реймонд нервно дернулся. Покраснел, потом побледнел:

– Я... я не знаю ее имени. Она... она была в поезде вчера вечером.

Миссис Бойнтон начала медленно поднимать свое тело.

– Не думаю, что у нас с нею есть что-то общее.

Надин встала и помогла старухе выбраться из кресла. Она проделала это с профессиональной ловкостью, что не ускользнуло от внимания Жерара.

– Пора спать, – объявила миссис Бойнтон. – Спокойной ночи, мистер Коуп.

– Спокойной ночи, миссис Бойнтон. Спокойной ночи, миссис Леннокс.

Они удалились – маленькая процессия. Ни одному из молодых членов семьи не пришлось в голову остаться.

Мистер Коуп смотрел им вслед. На его лице застыло странное выражение.

Доктор Жерар по опыту знал, что американцы в большинстве своем народ дружелюбный. В них нет мрачной подозрительности, которая свойственна путешествующим британцам. Для такого общительного человека, как доктор Жерар, познакомиться с мистером Коупом не составляло труда. Американец был одинок и, как и большинство его соотечественников, дружески расположен к людям. Доктор Жерар снова воспользовался визитницей.

Имя на визитной карточке произвело на мистера Джефферсона Коупа должное впечатление.

– Послушайте, доктор Жерар, вы же не так давно были в Соединенных Штатах?

– Прошлой осенью. Читал лекции в Гарварде.

– Да, конечно. Вы, доктор Жерар, один из самых выдающихся специалистов в своей профессии. И столько добились у себя в Париже...

– Дорогой мой, вы преувеличиваете! Я протестую.

– Нет, нет, познакомиться с вами – великая честь для меня... Кстати, сейчас в Иерусалиме собрались несколько выдающихся личностей. Кроме вас, сюда приехали лорд Уэллдон и сэр Гэйбриел Стейнбаум, финансист. А еще ветеран английской археологии сэр Мандерс Стоун и леди Уэстхолм, играющая заметную роль в политической жизни Британии. И тот знаменитый бельгийский сыщик, Эркюль Пуаро.

– Малыш Эркюль Пуаро? Он здесь?

– Я прочел его имя в местной газете – в списке недавно прибывших. Похоже, в отеле «Соломон» собралось все светское общество. Кстати, великолепный отель. И декорирован с большим вкусом.

Мистер Джефферсон Коуп явно пребывал в благодушном настроении. Доктор Жерар мог быть в высшей степени очаровательным, когда хотел. Вскоре они переместились в примыкавший к салону бар.

После пары порций виски с содовой Жерар спросил:

– Скажите, эти люди, с которыми вы разговаривали, – типичная американская семья?

Джефферсон Коуп задумчиво отхлебнул из стакана:

– В общем-то нет. Я бы не назвал ее типичной.

– Нет? А мне показалось, они очень дружны.

– Хотите сказать, они ни на шаг не отходят от старой дамы? Да, так и есть. Понимаете, она потрясающая женщина.

– Неужели?

Мистера Коупа долго упрашивать не пришлось – достаточно было легкого намека.

– Должен признаться, доктор Жерар, в последнее время эта семья не выходила у меня из головы. Я много думал о них. И если можно так выразиться, облегчил бы душу, рассказав вам о них. Только боюсь, вам будет скучно.

Доктор Жерар решительно отверг предположение о скуке. Мистер Джефферсон Коуп заговорил медленно, сморщив свое приятное, чисто выбритое лицо, словно недоумевая.

– Скажу прямо, что я немного обеспокоен. Понимаете, мы с миссис Бойнтон давние друзья. Я имею в виду не старую миссис Бойнтон, а молодую, миссис Леннокс Бойнтон.

– Ах, да, ту очень милую темноволосую молодую даму.

– Совершенно верно. Надин. Понимаете, доктор Жерар, Надин – очаровательное существо. Мы были знакомы еще до ее замужества. Тогда она работала в больнице, проходила сестринскую практику. Потом поехала в отпуск с Бойнтонами и вышла за Леннокса.

– И что?

Мистер Джефферсон Коуп сделал очередной глоток виски и продолжил рассказ:

– Если не возражаете, доктор Жерар, я вкратце расскажу вам семейную историю Бойнтонов.

– Правда? С большим удовольствием послушаю.

– Видите ли, покойный мистер Элмер Бойнтон – он был весьма известным человеком, к тому же очень милым – был женат дважды. Его первая жена умерла, когда Кэрл и Реймонд были совсем крохами и едва начали ходить. Вторая миссис Бойнтон, как мне рассказывали, была красивой женщиной, когда он на ней женился, хотя и не очень молодой. Глядя на нее теперь, трудно представить ее красавицей, но мои сведения исходят из самых надежных источников. Как бы то ни было, муж высоко ее ценил и почти во всем прислушивался к ее советам. Несколько последних лет он был инвалидом, и всем фактически заправляла его жена. Очень способная женщина, великолепно разбирается в бизнесе. И очень ответственная. После смерти Элмера она полностью посвятила себя детям. Родной ребенок у нее один, Джиневра – хорошенькая рыжеволосая девушка, но слишком ранимая. Я уже говорил, что она всецело посвятила себя семье. И полностью закрылась от внешнего мира. Не знаю, каково на этот счет ваше мнение, доктор Жерар, но лично я думаю, что это неправильно.

– Согласен с вами. Особенно вредно для развивающихся личностей.

– Да, именно это я имел в виду. Миссис Бойнтон оградила детей от окружающего мира и не позволяла им ни с кем общаться. В результате они выросли... понимаете, какими-то нервными. Неуравновешенными – вы понимаете, о чем я. Неспособными сойтись с незнакомыми людьми. Это плохо.

– Очень плохо.

– Я не сомневаюсь в благих намерениях миссис Бойнтон. Но она перестаралась.

– Все дети жили дома? – спросил доктор Жерар.

– Да.

– И ни один из сыновей не работает?

– Нет, конечно. Элмер Бойнтон был богатым человеком. Все свои деньги он оставил миссис Бойнтон, пожизненно, но совершенно очевидно, что средства предназначены для всей семьи.

– То есть они зависят от нее финансово?

– Именно так. И она хочет, чтобы дети жили с ней, никуда не выходили и не искали работу. Возможно, в этом нет ничего дурного, поскольку денег у них куча, и им не нужно зарабатывать на жизнь, но мне кажется, что для мужчин работа – всегда сильный стимул. И еще кое-что – ни у кого из них нет увлечений. Они не играют в гольф. Они не состоят ни в каких загородных клубах. Они не ходят на танцы и не общаются с другими молодыми людьми. Они живут словно в казарме – в большом деревенском доме, где на много миль вокруг ни души. Говорю вам, доктор Жерар, все это кажется мне неправильным.

– Полностью согласен с вами, – кивнул тот.

– И ни у одного из них ни малейшего желания общаться. Дух коллективизма – вот что у них отсутствует. Возможно, семья действительно очень сплоченная, но они замкнуты друг на друга.

– И никогда не возникало вопроса, чтобы кто-то из детей жил отдельно?

– По крайней мере, я ничего такого не слышал. Они просто сидят и ждут у моря погоды.

– И вы вините в этом их – или миссис Бойнтон?

Джефферсон Коуп смущенно поерзал:

– Понимаете, я считаю, что в каком-то смысле виновата все же миссис Бойнтон. Так она их воспитала. Хотя в любом случае, когда молодой парень вырастет, он должен взбунтоваться и пойти своим путем. Парню не пристало вечно держаться за материнскую юбку. Он обязан стать самостоятельным.

– Это не всегда возможно, – задумчиво произнес доктор Жерар.

– Почему?

– Знаете, мистер Коуп, существуют специальные методы, останавливающие рост деревьев.

Коуп во все глаза смотрел на Жерара.

– Они абсолютно здоровы.

– Психическое развитие можно замедлить точно так же, как и физическое.

– И с головой у них все в полном порядке.

Помолчав, Джефферсон Коуп продолжил:

– Нет, доктор Жерар, можете мне поверить – мужчина сам хозяин своей судьбы. Уважающий себя мужчина не бьет баблши и чего-то добивается в жизни. Не сидит просто сложа руки. Ни одна женщина не будет уважать такого.

Жерар минуту или две с любопытством рассматривал его. Потом спросил:

– Полагаю, вы имеете в виду в первую очередь мистера Леннокса Бойнтона?

– Да, конечно, я думал о Ленноксе. Реймонд еще мальчик. Но Ленноксу тридцать. Пора бы уже показать, что он чего-то стоит.

– Наверное, его жене приходится нелегко?

– Конечно, нелегко! Надин – удивительная женщина. У меня просто нет слов, чтобы выразить свое восхищение. Ни слова жалобы. *Но она несчастна*, доктор Жерар. Глубоко несчастна.

Тот кивнул.

– Да, думаю, это вполне возможно.

– Не знаю, каково ваше мнение, доктор Жерар, но лично я считаю, что есть пределы того, с чем обязана мириться женщина! На месте Надин я так и заявил бы молодому Ленноксу. Либо он докажет, на что способен, либо...

– Вы полагаете, она должна от него уйти?

– Ей нужно жить своей жизнью, доктор Жерар. Если Леннокс не ценит ее так, как она того достойна, – значит, найдется другой мужчина, кто это сделает.

– Например, вы?

Американец покраснел. Потом посмотрел доктору прямо в глаза – даже с некоторым вызовом.

– Совершенно верно, – сказал он. – И я не стыжусь своих чувств к этой даме. Я уважаю ее и искренне к ней привязан. И хочу лишь одного – чтобы она была счастлива. Будь она счастлива с Ленноксом, я бы не стал вмешиваться и покинул сцену.

– Но теперь?..

– Но теперь остаюсь. Если я ей нужен, я *здесь!*

– Вот уж *parfait gentil*⁵ рыцарь, – пробормотал Жерар.

– Пардон?

– Мой дорогой сэр, в наши дни рыцарство сохранилось только у американской нации. Вы согласны служить своей даме без надежды на вознаграждение! Это достойно всяческого восхищения. И что именно вы надеетесь для нее сделать?

– Моя идея состоит в том, чтобы быть рядом, если я ей понадоблюсь.

– Могу я спросить, как относится к вам старая миссис Бойнтон?

– Насчет старой дамы ни в чем нельзя быть уверенным. Как я уже вам говорил, она не любит иметь дело с посторонними. Но со мной она другая – всегда чрезвычайно любезна и обращается как с членом семьи.

– То есть она одобряет вашу дружбу с миссис Леннокс?

– Да.

Доктор Жерар пожал плечами:

– Вам это не кажется немного странным?

– Позвольте заверить вас, доктор Жерар, – сказал Джефферсон Коуп, – в этой дружбе нет ничего бесчестного. Она чисто платоническая.

– Мой дорогой сэр, я в этом нисколько не сомневаюсь. Но все же повторю, что со стороны миссис Бойнтон поощрение вашей дружбы выглядит очень странно. Знаете, мистер Коуп, эта миссис Бойнтон меня заинтересовала – очень заинтересовала...

– Вне всякого сомнения, она удивительная женщина. Очень сильный характер – прямо-таки выдающаяся личность. Как я уже говорил, Элмер Бойнтон всецело полагался на ее суждения.

– До такой степени, что согласился оставить своих детей в полной зависимости от ее милости – в финансовом плане? В моей стране, мистер Коуп, закон запрещает подобные вещи.

– В Америке, – мистер Коуп встал, – мы свято верим в абсолютную свободу.

Доктор Жерар тоже встал. Последние слова американца не произвели на него впечатления. Он много раз слышал, как их произносили граждане разных стран. Убеждение, что свобода является привилегией только твоего народа, – весьма распространенная иллюзия.

Доктор Жерар был мудрее. Он знал, что ни один народ, ни одна страна и ни один человек не могут считаться свободными. Но он также знал, что степень несвободы бывает разной.

Жерар лег спать в задумчивом настроении, заинтригованный произошедшим.

⁵ Истинно благородный (*фр.*).

Глава 6

Сара Кинг стояла на площади Харам-эш-Шериф, спиной к Куполу Скалы. В ушах звучал плеск фонтанов. Мимо проходили группы туристов, не нарушая восточной безмятежности этого места.

«Странно, – подумала Сара, – давным-давно некий иевусеянин устроил на этой скалистой вершине горы гумно, а Давид купил это место за шестьсот сиклей золота и поставил на нем жертвенник. А теперь здесь слышен разноязыкий гомон туристов со всего света...»

Она повернулась и посмотрела на мечеть, которая теперь стояла на священном месте, и задумалась, был ли храм Соломона хотя бы вполовину таким красивым.

Послышался топот шагов, и из мечети вышла небольшая группа людей. Это были Бойнтон, которых сопровождал словоохотливый драгоман⁶. Миссис Бойнтон с двух сторон поддерживали Леннокс и Реймонд. За ними следовали Надин и мистер Коуп. Замыкала шествие Кэрол. Выйдя из мечети, она заметила Сару и, немного поколебавшись, все же решилась: резко повернулась и быстро и беззвучно побежала через двор.

– Прошу прощения, – задыхаясь, сказала она. – Я должна... я... мне кажется, я должна с вами поговорить.

– Да? – удивилась Сара.

Кэрол дрожала всем телом; лицо у нее было белым как мел.

– Это насчет... моего брата. Когда вы... вы заговорили с ним вчера вечером, то его поведение, должно быть, показалось вам очень невежливым. Но он этого не хотел... просто он... не мог ничего поделать. Пожалуйста, поверьте мне.

Явная нелепость этой сцены поразила Сару. Ее гордость и чувство вкуса были оскорблены. Зачем эта странная девушка внезапно бросилась к ней и принялась неловко извиняться за грубость брата?

Резкий ответ уже был готов слететь с ее губ, но затем она вдруг передумала.

Во всем этом чувствовалось что-то необычное. Кэрол говорила серьезно. Та самая интуиция, которая заставила Сару выбрать профессию врача, отреагировала на невысказанную мольбу девушки. Инстинкт подсказывал, что здесь что-то не так.

– Расскажите мне, что случилось, – доброжелательно отозвалась Сара.

– Он говорил с вами в поезде, да? – спросила Кэрол.

Сара кивнула.

– Да. Скорее, это я с ним говорила.

– О, конечно. Именно так все и было. Но понимаете, вчера вечером Рей боялся... – Она умолкла.

– Боялся?..

Бледное лицо Кэрол стало пунцовым.

– Да, я знаю, что это звучит нелепо... даже безумно. Понимаете, моя мать... она... она нездорова... и она не любит, когда мы заводим друзей на стороне. Но... но я знаю, что Рей хотел... хотел бы дружить с вами.

Саре стало любопытно. Но прежде чем она успела что-то сказать, Кэрол продолжила:

– Я... я знаю, что выгляжу глупо, но мы... довольно странная семья. – Девушка быстро оглянулась – явно со страхом. – Мне... мне нужно идти, – пробормотала она. – Меня могут хватить.

Сара приняла решение:

⁶ Драгоман – зд. переводчик, толмач, гид; в действительности официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами.

– Почему бы вам не остаться, если хочется? Мы можем вернуться вместе.

– О, нет. – Кэрол отпрянула. – Я... я не могу этого сделать.

– Почему? – удивилась Сара.

– Правда, не могу. Моя мать будет... будет...

– Я знаю, родителям иногда очень трудно осознать, что их дети выросли. – Голос Сары звучал твердо и спокойно. – И они по-прежнему пытаются управлять жизнью детей. Но, знаете, им нельзя уступать. Нужно бороться за свои права.

– Вы не понимаете... – пробормотала Кэрол. – Вы совсем не понимаете...

Она нервно заламывала руки.

– Иногда люди уступают, боясь скандала, – продолжала Сара. – Скандалы очень неприятны, но я полагаю, что за свободу всегда стоит сражаться.

– Свободу? – Кэрол смотрела на нее во все глаза. – Никто из нас никогда не был свободным. И не будет.

– Глупости! – решительно возразила Сара.

Кэрол наклонилась вперед и тронула ее за руку:

– Послушайте. Я *должна* попытаться вам объяснить! До замужества моя мать – на самом деле она мне мачеха, а не мать, – была надзирательницей в тюрьме. Когда они с отцом поженились, он был начальником той тюрьмы. *Тогда все и началось.* Она осталась надзирательницей – *над нами.* Вот почему наша жизнь – тюрьма.

Кэрол снова оглянулась:

– Они, наверное, меня хватились. Я... я должна идти.

Сара остановила ее, схватив за руку:

– Минутку. Мы должны снова встретиться и поговорить.

– Я не смогу. Правда, не смогу.

– Сможете, – слова Сары звучали как приказ. – Приходите ко мне в номер, когда все лягут спать. Триста девятнадцатый. Запомните, триста девятнадцатый.

Она отпустила руку девушки, и Кэрол бросилась догонять семью.

Сара пристально смотрела ей вслед. Ее мысли прервал голос доктора Жерара, который стоял рядом с ней.

– Доброе утро, мисс Кинг. Беседовали с мисс Кэрол Бойнтон?

– Да, у нас был в высшей степени необычный разговор. Вам будет интересно.

Она передала суть сказанного девушкой. Жерар ухватился за одну подробность:

– Эта старая бегемотиха была надзирательницей в тюрьме? Возможно, в этом все дело.

– Хотите сказать, это причина ее склонности к тирании? Сохранившаяся профессиональная привычка?

Жерар покачал головой.

– Нет, такой подход ошибочен. Тут более глубокая причина. Она тиранит людей *не потому, что была надзирателем.* Правильнее сказать, что *она стала надзирателем, потому что любит тиранить людей.* Согласно моей теории именно тайное желание власти над людьми заставило ее выбрать эту профессию.

Лицо доктора было чрезвычайно серьезным.

– В подсознании прячется много таких странных вещей. Жажда власти, жестокость, неудержимая страсть к уничтожению – все это наследие нашего прошлого опыта. Все это никуда не делось, мисс Кинг, – жестокость, дикость, похоть... Мы заперли перед ними дверь и не пускаем в сознание, но иногда они слишком сильны.

– Знаю, – поежилась Сара.

– Все это мы видим вокруг нас, – продолжал Жерар. – В политике, в поведении людей. Забыты такие понятия, как гуманность, сострадание, добрая воля. Некоторые идеи кажутся разумными – мудрая власть, радеющее о народе правительство, – но внедряются они с помо-

щью силы, и в их основе лежит жестокость и страх. Они открывают дверь, эти апостолы насилия, они освобождают древнюю дикость, древнее упоение *насилием ради насилия!* Это совсем не просто; животное по имени человек пребывает в состоянии хрупкого равновесия. У него одна главная потребность – выжить. Поспешность так же смертельно опасна, как и промедление. Он обязан выжить! И возможно, для этого человеку необходимо сохранить часть древней жестокости, однако он не должен – ни в коем случае – *обожествлять* ее!

После некоторой паузы Сара спросила:

– Думаете, старую мисс Бойнтон можно назвать садисткой?

– Почти уверен. Полагаю, она испытывает удовольствие, причиняя страдания – причем душевные, а не физические. Это явление встречается гораздо реже, и с ним труднее бороться. Ей нравится подчинять себе других людей, нравится заставлять их страдать.

– Какой ужас, – сказала Сара.

Жерар пересказал ей свой разговор с Джефферсоном Коупом.

– Он не понимает, что происходит? – задумчиво спросила девушка.

– Откуда? Он же не психолог.

– Точно. У него не такое извращенное мышление.

– Совершенно верно. У него милое, непосредственное, нормальное американское мышление. Он верит скорее в добро, чем в зло. Он видит, что в семье Бойнтонов что-то не так, но приписывает это неверно понимаемой миссис Бойнтон заботе, а не ее намеренной жестокости.

– Должно быть, ее это забавляет, – заметила Сара.

– Могу себе представить, до какой степени!

– Но почему они не освободятся? Они ведь могут это сделать. – В голосе Сары проступило раздражение.

Жерар покачал головой:

– Нет, тут вы ошибаетесь. *Они не могут.* Вам не приходилось видеть старый опыт с петухом? Вы проводите мелом черту на полу и кладете на нее клюв петуха. Ему кажется, что его привязали. Он не в состоянии поднять голову. Так и с этими беднягами. Не забывайте, что миссис Бойнтон обрабатывала их с раннего детства. Психологически подавила их. Внушила, что они *не могут ее послушаться*. Да, я знаю, что большинство людей назовут это чепухой – но мы с вами знаем, что все так и было. Она заставила их поверить в неизбежность полной зависимости от нее. Эти люди так долго пробыли в тюрьме, что, если дверь камеры вдруг откроется, они этого не заметят! По крайней мере, один из них уже не жаждет свободы. И они боятся свободы.

– А что будет, когда она умрет? – Сара перевела разговор в практическую плоскость.

Жерар пожал плечами.

– Все зависит от того, когда именно. Если это случится *сейчас...* тогда, полагаю, еще не будет слишком поздно. Парень и девушка еще молоды и податливы. Убежден, они станут нормальными людьми. А с Ленноксом, возможно, все зашло слишком далеко. На меня он производит впечатление человека, который расстался с надеждой – и превратился в бесчувственное животное.

– Но его жена обязана что-то делать! – с жаром воскликнула Сара. – Она должна вытащить его из этого кошмара.

– Кто знает... Возможно, она даже пыталась – но тщетно.

– Думаете, чары старухи на нее тоже подействовали?

Жерар покачал головой:

– Нет. Сомневаюсь, что старая леди обладает над ней какой-либо властью – и по этой причине ненавидит ее лютой ненавистью. Достаточно посмотреть на ее взгляд.

Сара нахмурилась.

– Не могу ее понять – я имею в виду молодую миссис Бойнтон. Она догадывается, что происходит?

– Думаю, не просто догадывается, а знает точно.

– Гм, – пробормотала Сара. – Эту старуху нужно прикончить! Я бы прописала ей мышьяк в утренний чай... А что насчет самой младшей, – вдруг сменила она тему, – рыжеволосой девушки с довольно милой рассеянной улыбкой?

Жерар нахмурился.

– Не знаю. Тут есть что-то странное. Джиневра Бойнтон – единственная родная дочь старухи.

– Да. Полагаю, это должно что-то менять... Или нет?

– Я не верю, – медленно проговорил доктор Жерар, – что маниакальная жажда власти и склонность к жестокости, овладевшая человеком, способны пощадить *кого-либо*, даже самых близких и любимых... – Немного помолчав, он спросил: – Вы христианка, мадемуазель?

– Не знаю, – задумчиво ответила Сара. – Я привыкла считать себя неверующей. Но теперь... я не уверена. Я чувствую... что если все это смести прочь, – она решительно взмахнула рукой, – все эти постройки, разнообразные секты, вечно ссорящиеся между собой церкви... то... то я смогла бы увидеть безмятежную фигуру Христа, въезжающего в Иерусалим на осле... и поверить в него.

– Я верю, по крайней мере, в одну из главных заповедей христианства – *довольствуйся малым*. – Доктор Жерар был серьезен. – Я врач и знаю, что честолюбие – желание успеха – становится причиной большинства болезней человеческой души. Если это желание исполняется, то из него вырастают высокомерие, жестокость и в конечном итоге пресыщение; а если не исполняется – пусть вам об этом расскажут лечебницы для душевнобольных! Они переполнены людьми, которые не смогли примириться с собственной заурядностью, серостью, с отсутствием способностей и которые нашли способы бегства от реальности, чтобы навсегда отгородиться от жизни.

– Старухе Бойнтон самое место в сумасшедшем доме, – вдруг выпалила Сара.

Жерар покачал головой:

– Нет, ее место не среди неудачников. Дело обстоит еще хуже. Ведь она добилась успеха! Ее мечта сбылась.

Сара вздрогнула.

– Но так не должно быть! – с жаром воскликнула она.

Глава 7

Саре не терпелось узнать, примет ли Кэрол Бойнтон ее приглашение.

Честно говоря, она сомневалась. Сара опасалась бурной реакции Кэрол на собственные робкие признания, сделанные сегодня утром. Тем не менее она приготовилась – надела синий шелковый халат, достала маленькую спиртовку и вскипятила воду.

Когда Сара решила, что Кэрол уже не придет (шел второй час ночи) и собралась спать, в дверь постучали. Она открыла и поспешно посторонилась, впуская Кэрол.

– Я боялась, что вы уже легли... – задыхаясь, прошептала девушка.

Сара и бровью не повела.

– Нет, нет, я ждала вас. Хотите чаю? Настоящий «Лапсан Соучун»⁷.

Она достала чашку. Кэрол нервничала и чувствовала себя неуверенно. Взяв чашку и печенье, она немного успокоилась.

– Все это довольно забавно, – улыбнулась Сара.

Кэрол как будто удивилась.

– Да, – с сомнением проговорила она. – Да, наверное.

– Похоже на ночные пирушки, которые мы устраивали в школе, – продолжала Сара. – Полагаю, в школу вы не ходили?

Кэрол покачала головой:

– Нет, мы учились дома. У нас была гувернантка... разные гувернантки. Они подолгу не задерживались.

– Вы вообще никуда не уезжали?

– Нет. Всегда жили в одном и том же доме. Эта заграничная поездка – первая.

– Должно быть, для вас это захватывающее приключение, – небрежно заметила Сара.

– О, да. Это... это словно сон.

– А почему ваша... мачеха вдруг решила отправиться за границу?

При упоминании миссис Бойнтон Кэрол поморщилась.

– Понимаете, – поспешила объяснить Сара, – я вообще-то врач. Только что получила звание бакалавра. Ваша мать – то есть мачеха – меня очень заинтересовала... я хочу сказать, с профессиональной точки зрения. Я бы сказала, что наблюдаю у нее явную патологию.

Кэрол смотрела на нее во все глаза. Такая точка зрения явно оказалась для нее неожиданной. Сара сказала это намеренно. Она понимала, что для членов семьи миссис Бойнтон была чем-то вроде огромного, могущественного идола. Цель Сары заключалась в том, чтобы старуха перестала внушать ужас.

– Да, – сказала она. – Иногда людьми овладевает такая болезнь – мания величия. Они становятся властными и настаивают на том, чтобы все их беспрекословно слушались, и с ними очень трудно иметь дело.

Кэрол отставила чашку.

– О! – воскликнула она. – Я так рада, что могу с вами поговорить. Понимаете, на самом деле я осознаю, что мы с Реем становимся очень... очень странными. Нервничает по любому поводу.

– Бывает очень полезно поговорить с посторонним человеком, – согласилась Сара. – В семье часто возникает чрезмерное напряжение. – Помолчав, она непринужденным тоном спросила: – Если вы несчастны, то почему не подумали о том, чтобы уехать из дома?

– О, нет! – Кэрол выглядела испуганной. – Как мы могли? Я... я хочу сказать, что мама никогда бы не позволила.

⁷ Один из самых знаменитых в мире южнокитайских сортов чая.

- Но она не может вас остановить, – мягко возразила Сара. – Вы уже совершеннолетняя.
- Мне двадцать три.
- Именно.
- Но я все равно не вижу, как... То есть я не знаю, куда идти и что делать, – растерянно пробормотала Кэрол. – Понимаете, у нас нет денег.
- А друзья, к которым вы могли бы поехать?
- Друзья? – Кэрол покачала головой. – Нет, у нас нет друзей!
- И ни у кого даже не возникало мысли уйти из дома?
- Нет... не думаю. Мы... мы не могли.
- Сара сменила тему. Ей стало жалко растерянную девушку.
- Вы любите мачеху?
- Кэролайн медленно покачала головой и тихо прошептала:
- Я ее ненавижу. И Рей тоже... Мы... мы часто желали ей смерти.
- Сара снова сменила тему:
- Расскажите мне о старшем брате.
- Ленноксе? Я не знаю, что стряслось с Ленноксом. Он теперь почти не разговаривает. Ходит все время, как во сне. Надин ужасно волнуется.
- А невестку вы любите?
- Да. Надин совсем другая. Она добрая. Но очень несчастная.
- Из-за вашего брата?
- Да.
- Давно они женаты?
- Четыре года.
- Они всегда жили в вашем доме?
- Да.
- И вашей невестке это нравится?
- Нет.
- Помолчав, Кэрол продолжила:
- Чуть больше четырех лет назад у нас случился ужасный переполох. Понимаете, как я уже вам говорила, мы не выходили из дома. То есть, конечно, выходили на территорию поместья, но больше никуда. За исключением Леннокса. Он убегал по ночам и отправлялся в Фаунтин-Спрингс – там было что-то вроде танцев. Мама жутко рассердилась, когда узнала. Это было ужасно. А потом она пригласила Надин пожить у нас. Надин приходится дальней родственницей папе. Она была очень бедной и училась на медсестру. Надин приехала и жила у нас месяц. Я вам не могу передать, как это было здорово – когда в доме гости! Они с Ленноксом влюбились друг в друга. И мама сказала, что им лучше поскорее пожениться и жить с нами.
- И Надин согласилась?
- Кэрол замялась:
- Не думаю, что ей очень этого хотелось, хотя на самом деле ей было все равно. Затем, позже, она захотела уехать – с Ленноксом, конечно...
- Но они не уехали? – спросила Сара.
- Нет, мама и слышать об этом не желала. – Кэрол помолчала. – Не думаю, что Надин ей по-прежнему нравится. Надин... она забавная. Никогда не поймешь, о чем она думает. Она старается помочь Джинни, а маме это не по душе.
- Джинни ваша младшая сестра?
- Да. Ее полное имя Джиневра.
- Она... тоже несчастна?
- Кэрол с сомнением покачала головой:

– В последнее время Джинни стала такой странной... Я ее не понимаю. Знаете, она всегда была довольно болезненной... и... и мама все время хлопочет над ней... а от этого становится только хуже. А теперь Джинни стала совсем чудная. Иногда... она меня пугает. Она... не всегда соображает, что делает.

– Ее показывали врачу?

– Нет. Надин хотела, но мама запретила – а Джинни впала в истерику, кричала и говорила, что не пойдет к врачу. Но я за нее волнуюсь.

Внезапно Кэрол встала:

– Я больше не могу вас задерживать. Вы... так добры, что позволили прийти и поговорить с вами... Наверное, вы считаете нас очень странной семьей.

– Все мы по-своему странные, – отмахнулась Сара. – Вы еще придете? И если хотите, приведите брата.

– Правда? Можно?

– Да. Мы составим тайный заговор. Я бы хотела, чтобы вы также познакомились с моим другом, доктором Жераром – ужасно милый француз.

Щеки Кэрол вспыхнули румянцем.

– Как это мило... Только бы мама не узнала!

Сара с трудом сдержалась, чтобы не ответить резкостью.

– А зачем ей знать? Давайте завтра ночью в то же время?

– Да, конечно. Ведь послезавтра мы, возможно, уже уедем.

– Тогда назначаем свидание на завтра. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи – и спасибо.

Кэрол вышла из номера и беззвучно заскользила по коридору. Ее номер находился этажом выше. Она подошла к двери, открыла ее – и в ужасе замерла на пороге. В кресле у камина сидела миссис Бойнтон, закутанная в алый шерстяной халат.

– Ой! – тихо вскрикнула Кэрол.

Взгляд пары черных глаз буквально впился в нее.

– Где ты была, Кэрол?

– Я... я...

– Где ты была?

Тихий хриплый голос звучал угрожающе – от этой интонации сердце Кэрол всегда замирало от страха.

– У мисс Кинг... Сары Кинг.

– Девушки, которая говорила с Реймондом вчера вечером?

– Да, мама.

– Ты собираешься снова с ней увидеться?

Губы Кэрол беззвучно шевелились. Она кивнула. На нее волнами накатывал страх – громадные, тошнотворные волны страха.

– Когда?

– Завтра ночью.

– Ты никуда не пойдешь. Понятно?

– Да, мама.

– Обещаешь?

– Да... да.

Миссис Бойнтон попыталась встать. Кэрол машинально подошла к ней и помогла подняться. Старуха медленно пересекла комнату, опираясь на палку. В дверях она остановилась и посмотрела на съежившуюся девушку.

– Ты больше не будешь иметь никаких дел с этой мисс Кинг. Понятно?

– Да, мама.

– Повтори.

– Я больше не буду иметь с ней никаких дел.

– Хорошо.

Миссис Бойнтон вышла и закрыла за собой дверь.

Кэрол сделала несколько шагов. Ее подташнивало, тело казалось каким-то одеревеневшим, чужим. Она рухнула на кровать и неожиданно разрыдалась.

Совсем недавно перед ней словно открылся чудесный вид – солнечный свет, деревья, цветы...

А теперь вокруг снова сомкнулись черные стены.

Глава 8

– Можно вас на минутку?

Надин Бойнтон повернулась и удивленно посмотрела на смуглое, энергичное лицо совершенно незнакомой молодой женщины.

– Да, конечно.

Произнося эти слова, она нервно оглянулась – это движение было почти бессознательным.

– Меня зовут Сара Кинг, – представилась женщина.

– Да?

– Миссис Бойнтон, я собираюсь вам сказать нечто не совсем обычное. Вчера вечером я довольно долго беседовала с вашей золовкой.

На безмятежное лицо Надин Бойнтон словно набежала слабая тень.

– Вы говорили с Джиневрой?

– Нет, не с Джиневрой – с Кэрол.

Тень исчезла.

– Ах, да, понятно – с Кэрол. – Надин Бойнтон выглядела довольной, но очень удивленной. – Как вам это удалось?

– Она пришла ко мне в номер, поздно ночью, – объяснила Сара.

Подведенные брови на белоснежном лбу слегка приподнялись.

– Наверно, это должно показаться вам очень странным, – несколько смущенно прибавила Сара.

– Нет, – возразила Надин Бойнтон. – Я очень рада. На самом деле, очень рада. Просто чудесно, что у Кэрол есть друг, с которым можно поговорить.

– Мы... очень хорошо ладили, – Сара старалась как можно тщательнее подбирать слова. – И договорились... снова встретиться следующей ночью.

– И?

– Но Кэрол не пришла.

– Неужели?

Голос Надин звучал бесстрастно и немного задумчиво. На ее безмятежном, добром лице Сара ничего не могла прочесть.

– Не пришла. Вчера я встретила ее в коридоре и заговорила, но она не ответила. Только посмотрела на меня и поспешила прочь.

– Понятно.

Повисла пауза. Сара никак не решалась продолжить разговор.

– Мне... очень жаль, – наконец произнесла Надин. – Кэрол довольно нервная девушка.

Снова пауза. Собравшись с духом, Сара сказала:

– Понимаете, миссис Бойнтон, вообще-то я врач. И думаю... думаю, что вашей золовке было бы полезно не... не слишком отгораживаться от людей.

Надин задумчиво посмотрела на Сару.

– Понятно. Вы врач. Это меняет дело.

– Вы понимаете, что я имею в виду? – настаивала Сара.

Надин слегка склонила голову набок. Лицо у нее сохраняло задумчивое выражение.

– Конечно, вы совершенно правы, – произнесла она минуту или две спустя. – Но тут есть определенные трудности. Моя свекровь нездорова и отличается тем, что я бы назвала болезненным нежеланием допускать посторонних в семейный круг.

– Но Кэрол взрослая женщина, – возразила Сара.

Надин Бойнтон покачала головой:

– О, нет. Телом, но не психологически. Разговаривая с ней, вы должны были это заметить. В чрезвычайной ситуации она ведет себя, как испуганный ребенок.

– Думаете, именно это и произошло? Думаете, она... испугалась?

– Я бы предположила, мисс Кинг, что моя свекровь настояла на том, чтобы Кэрол больше с вами не общалась.

– И Кэрол подчинилась?

– Вы можете представить что-то иное? – тихо ответила Надин Бойнтон.

Взгляды двух женщин встретились. И Сара почувствовала, что они понимают друг друга – несмотря на завесу из ничего не значащих слов. Надин, поняла она, ясно представляла положение дел. Но не собиралась его обсуждать.

Сара была обескуражена. Вчера вечером ей казалась, что победа уже близка. С помощью тайных встреч она вдохнет в Кэрол бунтарский дух – да и в Реймонда тоже. (Если быть честной, разве не о Реймонде она думала все это время?) А теперь, на самом первом этапе битвы, она потерпела позорное поражение от этой бесформенной груды плоти с злыми, источающими яд глазами... Кэрол сдалась без борьбы.

– Это же *неправильно!* – воскликнула Сара.

Надин не ответила. Ее молчание было подобно холодной руке, сжавшей сердце Сары. «Эта женщина знает о безнадежности гораздо больше, чем я. Она *живет* с этим», – подумала Сара.

Двери лифта открылись, и появилась старая миссис Бойнтон. Она опиралась на палку, а с другой стороны ее поддерживал Реймонд.

Сара вздрогнула от неожиданности. Она увидела, что взгляд старухи скользнул от нее к Надин, а затем обратно. Она приготовилась увидеть в этих глазах неприязнь – даже ненависть. Но совсем не ожидала, что они будут светиться злорадством, какой-то злобной радостью. Надин шагнула вперед и присоединилась к семье.

– Вот ты где, Надин, – сказала миссис Бойнтон. – Я посижу и отдохну немного, прежде чем выходить.

Старуху устроили в кресле с высокой спинкой. Надин села рядом.

– С кем это ты разговаривала, Надин?

– С мисс Кинг.

– Ах, да. Девушка, которая заговорила с Реймондом вчера вечером... Послушай, Рей, почему бы тебе не пойти и не побеседовать с ней? Она вон там, за письменным столом.

Старуха посмотрела на Реймонда, и ее губы растянулись в злобной улыбке. Молодой человек покраснел, потом отвернулся и что-то пробормотал.

– Что ты сказал, сын?

– Я не хочу с ней разговаривать.

– Я так и думала. Ты не будешь с ней говорить. Не сможешь, как бы тебе этого ни хотелось. Внезапно она закашлялась и захрипела.

– Я наслаждаюсь нашим путешествием, Надин, – сказала она. – Не променяла бы его ни на что.

– Правда? – Голос Надин оставался бесстрастным.

– Рей.

– Да, мама?

– Принеси мне лист почтовой бумаги – с того стола, в углу.

Реймонд послушно направился к столу. Надин подняла голову. Она наблюдала, но не за молодым человеком, а за старухой. Миссис Бойнтон наклонилась вперед, и ноздри ее раздувались, словно от удовольствия. Рей прошел мимо Сары. Она посмотрела на него, и ее лицо внезапно осветилось надеждой, которая тут же умерла – Рей прошел мимо, взял почтовую бумагу из ящика и поспешил назад, в другой конец комнаты.

Когда он вернулся, лицо его было мертвенно-бледным, лоб покрылся бисеринками пота.
– Та-ак, – еле слышно произнесла миссис Бойнтон, вглядываясь в его лицо.

Потом она заметила пристальный взгляд Надин, и ее глаза вдруг вспыхнули злобой.

– А где сегодня утром мистер Коуп? – спросила старуха.

Надин снова опустила глаза и ответила мягким, лишенным эмоций голосом:

– Не знаю. Я его не видела.

– Он мне нравится, – заявила миссис Бойнтон. – Очень нравится. Мы должны чаще с ним видеться. Ты со мной согласна, не правда ли?

– Да, – ответила Надин. – Мне он тоже очень нравится.

– Что случилось с Ленноксом? В последнее время он какой-то скучный и тихий. Вы не поссорились?

– Нет. С какой стати?

– Мало ли. В браке случаются размолвки. Может, вам было бы лучше жить в собственном доме?

Надин не ответила.

– Ну, как тебе эта идея? Выглядит заманчиво?

Молодая женщина покачала головой и с улыбкой ответила:

– Не думаю, что она привлекает вас, мама.

Веки миссис Бойнтон затрепетали.

– Ты всегда была против меня, Надин. – Голос старухи сочился ядом.

– Мне жаль, что вы так думаете.

Ладонь миссис Бойнтон легла на набалдашник трости. Лицо побагровело еще сильнее.

– Я забыла капли, – сказала она уже другим тоном. – Принеси их мне, Надин.

– Сейчас.

Молодая женщина встала и пошла через весь салон к лифту. Миссис Бойнтон смотрела ей вслед. Реймонд обмяк в кресле; во взгляде его читались тоска и страдание.

Надин поднялась наверх, миновала коридор и вошла в гостиную их апартаментов. Леннокс сидел у окна с книгой в руке, но не читал. Увидев Надин, он встал.

– Привет, Надин.

– Я за каплями для мамы. Она их забыла.

Надин прошла в спальню миссис Бойнтон. Из пузырька на умывальнике она аккуратно отмерила дозу лекарства в маленький стаканчик и разбавила водой. На обратном пути остановилась.

– Леннокс...

Тот отозвался только через секунду или две, как будто оклик жены не сразу дошел до него.

– Прошу прощения, – наконец произнес он. – Ты что-то хотела?

Надин Бойнтон осторожно поставила стакан на стол. Затем подошла к мужу и остановилась рядом.

– Леннокс, посмотри, как ярко светит солнце – там, за окном. Посмотри на жизнь. Она прекрасна. И мы могли бы наслаждаться ею – вместо того, чтобы смотреть на нее из окна.

Он снова ответил не сразу:

– Прости. Ты хочешь выйти?

– Да, – быстро ответила Надин. – Я хочу выйти – *вместе с тобой* – на солнечный свет, в настоящую жизнь... и жить... вдвоем с тобой.

Леннокс съехал в кресле. Взгляд его стал беспокойным, тревожным.

– Надин, милая... опять ты об этом.

– Да, опять. Давай куда-нибудь уедем и будем жить своей жизнью.

– Но как? У нас нет денег.

- Мы можем их заработать.
- Каким образом? Что мы умеем делать? У меня нет профессии. Тысячи людей – квалифицированных, с образованием – сидят без работы. У нас ничего не выйдет.
- Я заработаю достаточно для нас обоих.
- Мое милое дитя, ты даже не закончила обучение. Это безнадежно... просто невозможно.
- Нет, безнадежна и невозможна наша теперешняя жизнь.
- Ты не понимаешь, о чем говоришь. Мама очень добра к нам. Она нам ни в чем не отказывает.
- Кроме свободы. Давай уйдем... прямо сегодня...
- Надин, мне кажется, ты сошла с ума.
- Нет, я в здравом рассудке. Абсолютно. Я хочу жить своей жизнью, с тобой, на солнце... а не задыхаться в тени старухи, которая тиранит тебя и получает удовольствие от того, что ты несчастен.
- Возможно, у мамы и есть диктаторские наклонности...
- Твоя мать сошла с ума! Она ненормальная!
- Это неправда, – мягко возразил Леннокс. – Она прекрасно разбирается в бизнесе.
- В бизнесе – возможно.
- И ты должна понять, Надин, что мама не может жить вечно. Она стареет, и здоровье у нее очень плохое. После ее смерти деньги моего отца будут поровну поделены между всеми нами. Помнишь, она читала нам завещание.
- Когда она умрет, – возразила Надин, – может быть уже слишком поздно.
- Для чего?
- Слишком поздно для счастья.
- Слишком поздно для счастья, – еле слышно пробормотал Леннокс и неожиданно поежился. Надин приблизилась к нему и положила руку на плечо.
- Я люблю тебя, Леннокс. Это битва между мной и твоей матерью. Ты на ее стороне или на моей?
- На твоей... на твоей.
- Тогда сделай то, о чем я тебя прошу.
- Это невозможно!
- Нет, возможно. Представь, Леннокс, мы могли бы иметь детей...
- Мама хочет, чтобы у нас были дети. Она говорила мне.
- Знаю, но я не хочу, чтобы мои дети жили без солнца, как вы. Твоя мать может влиять на тебя, но надо мной у нее нет власти.
- Иногда ты ее злишь, Надин, – пробормотал Леннокс. – Это неразумно.
- Она злится только потому, что не в состоянии влиять на меня, диктовать, что я должна думать!
- Я знаю, что ты всегда с ней вежлива и внимательна. Ты чудесная. Ты слишком хороша для меня. И так было всегда. Когда ты сказала, что выйдешь за меня, это казалось прекрасным сном.
- Не нужно мне было за тебя выходить, – тихо сказала Надин.
- Да, не нужно. – В голосе Леннокса слышалось отчаяние.
- Ты не понимаешь. Я имею в виду, что, если бы я тогда уехала и позвала тебя с собой, ты бы согласился. Да, я верю, что ты... Тогда мне не хватило ума понять, что представляет собой твоя мать и чего она хочет.
- Помолчав, Надин прибавила:
- Значит, ты отказываешься уходить? Что ж, я не могу тебя заставить. Но я-то свободна! И мне кажется... да, я *уйду*...

Леннокс недоверчиво посмотрел на жену. Впервые за все время он ответил сразу, как будто медленное течение его мыслей внезапно ускорилося.

– Но... но... ты не можешь. Мама... мама и слушать об этом не захочет, – запинаясь, пробормотал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.